

Владимир Короткий

РУСЬ, ЛИТВА, МОСКВА МЕЖДУ
РЮРИКОВИЧАМИ И ПАЛЕМОНОВИЧАМИ
В ЛИТОВСКОЙ ИСТОРИИ АЛЬБЕРТА
ВИЮКА-КОЯЛОВИЧА

Аннотация. В статье обсуждаются некоторые идеологические особенности произведения Альберта Кояловича *История Литвы*. К середине XVII в. территория Великого княжества Литовского составила арену, на которой государственные и династические претензии соседей превратились в военные действия, угрожавшие политическому суверенитету ВкЛ. Чтобы обосновать его юридический и моральный авторитет, понадобилась новая концепция государственности патриотического содержания, в которой была бы заново осмыслена и сама государственность, и ее истоки. Таким произведением и стала двухтомная *История Литвы* Кояловича. Подобные произведения у соседей появились раньше. Это были хроники Мацея Меховского, Бернарда Ваповского, Марцина Кромера и др. Хотя Коялович и декларировал, что следует *Хроникой* Мацея Стрыйковского, его меньше всего интересовал восточнославянский, прежде всего русский (русинский) и русский, материал, который был в последней элементом, организующим повествование. Для Кояловича более важное значение имеют те происшествия, деятели и те исторические сюжеты, в которых было выражено преимущество литовской военной силы, примеры духовной твердости древних литовцев, их политической и гражданской мудрости. Такими можно считать сюжеты о смерти князя Святослава, о походах на Москву Ольгерда, о битвах Михаила Глинского и Константина

Острожского, в которых, по словам автора, и выражено превосходство Палемоновичей над Рюриковичами. Как правило, такие важные сюжеты заканчиваются выводами оценочного содержания, составляющими стилистическую особенность *Истории Литвы* и дающими много ценного для понятия идеологических и художественных установок Кояловича.

Ключевые слова: литература Литвы (на латинском языке); Альбертас Виюкас-Коялавичюс (Алберт Виюк-Коялович); Мотеюс Стрийковскис (Мацей Стрыйковский)

К середине XVII в. Великое княжество Литовское стало ареной, на которой государственно-династические претензии соседей переросли в военные действия, грозившие существованию его суверенитета. Для укрепления как правовой, так и моральной его мотивации встала необходимость появления новой патриотической концепции осмысления нашей государственности и ее истоков. Таковым трудом стала двухтомная латиноязычная *История Литвы (Historia Lituana)* Альберта Виюка-Кояловича (Гданьск, 1650; Антверпен, 1669).

Исторические познания каждого народа имеют две стороны: одну – официальную, другую – консервативно-народную. Официальная история выстраивает событийный ряд чаще всего в угоду политическим представлениям той или иной эпохи, правящей династии либо федеративно-корпоративным интересам. Консервативно-народные представления зачастую оппозиционируют по отношению к официальной истории, им как бы «нет дела» до «чужого» мнения, «чужого» восприятия или толкования. Здесь иной принцип отбора событий национальной памятью – принцип нравственных и эстетических заветов, примеров из своей истории для своих наследников по крови, по национальной принадлежности. Для белорусов и литовцев, проживших целые столетия в одном государстве – Великом княжестве Литовском – и

те, и другие представления имеют разные исходные точки отсчета. Если литовская историческая наука, историософия понимает свою историю как историю Литвы в широком смысле, то белорусская историческая традиция до последнего времени толковала отечественную историю в усеченном ее варианте – некоем «русском», реже – белорусском ее видении. Деление Великого княжества Литовского белорусами и литовцами на «свое» и «чужое», думается, не имеет исторической перспективы. Сегодня никто не станет отрицать, что большинство героев, ставших символами нашей общей истории, зачастую были белорусами по крови, но литовцами по своим государственным и политическим представлениям, убеждениям. И одно, и другое явление нельзя рассматривать в отдельности, чему учит нас история и подсказывает путь, посредством которого мы можем быть взаимно поняты.

Для написания своих национальных историй как белорусские, так и литовские ученые используют одни и те же исторические источники, свидетельства. Это в первую очередь *Летописец Великих Князей Литовских*, *Хроника Литовская и Жмойтская*, *Хроника Быховца*, киевские и новгородские летописные своды. Приведем в качестве примера наиболее известные издания работ литовских и белорусских историков последних восьми лет: Генадзь Сагановіч, *Нарыс гісторыі Беларусі: ад старажытнасці да канца XVIII ст.* (Минск, 2001); Альфредас Бумблаускас, *Senosios Lietuvos istorija* (Вильнюс, 2005); Эдвардас Гудавичюс, *История Литвы: с древнейших времен до 1569 г.* (т. 1, Москва, 2005); *Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego* (Краков, 2006). К сожалению, в перечне источников, используемых для написания этих книг, мы не находим ни у литовских, ни у белорусских исследователей примеров использования фактографического материала, а также авторских интерпретаций из *Литовской истории* Альберта Виюка-Кояловича. Если на белорусский язык этот исторический труд, написанный на латинском языке, не переведен и фактически не введен в научный оборот

белорусской историографией, то, как известно, перевод этого памятника на литовский язык появился еще в 1988 году¹. Правда, в работах отдельных литовских историков (например, Дарюса Куолиса) можно найти ссылки на *Литовскую историю* Кояловича. Однако это скорее исключение, нежели правило.

Чтобы разрешить проблемы, связанные с восприятием истории Литвы, Руси, Московии Альбертом Кояловичем, нужно прежде всего ответить на ряд вопросов. Почему *История* написана на латинском языке? Почему в обеих частях *Истории* мы находим посвящения представителем рода Сапег? Почему обе книги изданы не на Родине автора, а в Гданьске и в Антверпене, причем именно в 1650 и 1669 годах? Почему автор довёл историю Великого княжества Литовского до 1569 года? И наконец, в какой степени *Хроника* Мацея Стрыйковского присутствует в *Истории* Кояловича?

Хронологически *История* Альберта Виюка-Кояловича написана во времена последнего Палемоневича по женской линии – Яна II Казимира Вазы (годы правления 1648–1668), а завершается она описанием событий, связанных с правлением последнего Палемоневича по мужской линии – Сигизмунда II Августа. Напомню и тот факт, что современные автору события проецируются на предшествующую историю Великого княжества Литовского. Уместно напомнить тот факт, что Януш II Радзивил с частью магнатов Великого княжества Литовского в 1655 году разорвал унию Великого княжества Литовского с Польской Коронай и по Кейданскому договору, фактически, оформил унию со Швецией. Еще одна часть белорусско-литовских магнатов и шляхты присягнула Московскому царю, Рюриковичу, Алексею Михайловичу. Наконец, третья часть белорусско-литовских магнатов во главе с Витебским воеводой Павлом Яном Сапегой осталась верной Речи Посполитой и, фактически, отстаивала сувере-

¹ Albertas Vijūkas-Kojalavičius, *Lietuvos istorija*, iš lot. k. vertė L. Valkūnas, (*Lituanistinė biblioteka*), Vilnius: Vaga, 1988 (²1989).

нитет Великого княжества Литовского. Из посвящения второй части *Истории* Казимиру Яну Сапеге, графу в Быхове, маршалку Брестскому etc., понятно, каких государственно-политических взглядов придерживался Альберт Виюк-Коялович. Для него *История Литвы* – это прежде всего история суверенного Великого княжества Литовского до Люблинской государственной унии. История же после унии, в восприятии Кояловича, – это, скорее всего, борьба за восстановление суверенитета государства. Политическая история рода Сапег лучше всего демонстрировала связь времен. Почему первая книга посвящена именно Казимиру Льву Сапеге, подканцлеру Великого княжества Литовского, дяде Казимира Яна Сапегы? Автор сам даёт ответ на этот вопрос в посвящении второй книги *Литовской истории*, обращаясь к Казимиру Яну Сапеге и отмечая, что «*sub initia exardescentis per Russiam servilis rebellionis, Res Lituana, praesidiis Patruī Tui, unice servata est*»² («в начале разгорающегося на Руси рабского бунта литовское государство, защищенное твоим дядей, чудесным образом было спасено»)³. Несомненно, здесь имеется в виду разрушительная казацкая война 1648–1651 гг. под руководством Богдана Хмельницкого, в планы которого входил захват белорусских Полесья и Поднепровья. Здесь же автор упоминает и отца Казимира Яна, Павла Яна Сапегу, Виленского воеводу, великого гетмана литовского, который в 1655 году разбил московские войска на реке Лесная, а в 1656 году освободил Подляшье от шведов. А. Виюк-Коялович подчеркивает: «*Palmaris haec eius Gloria, non a palpantis calami ubertate, sed e vero nata, pridem universam Europam occupavit*»⁴ («Эта его победная слава,

² Albertus Wüiuk Kojalowicz, *Historiae Lituanae pars altera, seu De rebus Lituorum, a coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad unionem eorum dominiorum, libri octo*, auctore Alberto Wüiuk Kojalowicz Societatis Jesu s. theologiae doctore, Antverpiae: Apud Iacobum Meursium, 1669, p. ã² verso.

³ Здесь и далее перевод с латинского языка Жанны Некрашевич-Короткой.

⁴ *Ibid.*, p. ã³ recto.

рожденная не красотой льстивого пера, но правдой, недавно охватила всю Европу»). В глоссе Коялович упоминает именно 1655 год, отмечая: «*Quanto latius per orbem, ante decennium, de Republica nostra conclamatum fuerat: tanto grandior certiorque laus servatae Patriae, Parenti Tuo constat*»⁵ («Насколько шире десять лет тому назад стало известно всему миру о нашем государстве, настолько больше и прочнее слава спасения Родины принадлежит твоему отцу»). Далее Коялович представляет Павла Яна Сапегу как истинного национального героя Литвы, подчеркивая, что именно он «*omnium votis, studiis exercitus, nobilitatis suffragiis, auctoritate Regia, Palatinus Vilmensis et supremus Lituanae Militiae Imperator dictus*»⁶ («просьбами всех, по желанию войск, по выбору аристократов и при поддержке королевского авторитета был назван Виленским воеводой и великим гетманом Литвы»).

Почему *Литовская история* Кояловича была создана на латинском языке? Видимо, ее адресатом был прежде всего западноевропейский читатель, в первую очередь правящая элита западноевропейских государств. Ведь известно, что коронованные особы государств Западной Европы имели теснейшие политические и династические связи с монархами нашего государства. Поэтому задачей Альберта Виюка-Кояловича было представить Великое княжество Литовское как государство, принадлежащее династически к западноевропейскому политическому сообществу. Подобные *Истории* наших соседей на латинском языке были уже известны европейскому читателю. Это хроники Мартина Кромера, Мацея Меховского, Бернарда Ваповского. Хотя автор *Литовской истории* и заявляет, что основой его труда была *Хроника* Мацея Стрыйковского, однако он нашел свой путь ее интерпретации. Его менее всего, по понятным причинам, интересует «русский» либо «московский» элемент

⁵ *Ibid.*, p. ā2 verso.

⁶ *Ibid.*, p. [ā4] verso.

как консолидирующее начало. Наоборот, из истории народов Великого княжества Литовского он отбирает яркие страницы, демонстрирующие превосходство их военной мощи, силы духа, а также политическую мудрость. Таковы истории и художественно завершённые сюжеты о гибели Святослава, о походе Альгерда на Москву, о подвигах Михаила Глинского и Константина Острожского, в которых военная сила Палемоновичей всегда имела превосходство над силами Рюриковичей. Как правило, эти сюжеты завершаются афористически организованными выводами, имеющими оценочное значение.

Из текста *Литовской истории* Альберта Виюка-Кояловича понятно, что из *Хроники* Мацея Стрыйковского он исключил всё, что не касается «палемоновичской» концепции происхождения великих князей литовских. Показателен в этом смысле следующий фрагмент из начала первой части *Литовской истории*: «*Quis enim Zivibundum, Algimundum, Narimundum audiens, non facile cogitet Herulum quempiam aut Longobardum nominari? Haec porro nomina Litvaniae principum sunt*»⁷ («Кто же, услышав [имя] Живибунд, Альгимунд, Наримунт, не подумает сразу же, что так зовут какого-нибудь герула или лонгобарда? А ведь это имена князей Литвы»). Рассуждая о происхождении лонгобардов, автор замечает: «*Longobardi etiam, quorum primas sedes Lotaviae finitimas Scriptorum aliqui collocant, a longiore barbae pilo vulgari Lotavis ac Litvanis sermone „Ilgabarzdaii“ nuncupati, a Russis forte e Sarmatia exacti, Germaniam primum, tum alias Romanorum provincias invaserunt*»⁸ («Также и лонгобарды, первоначальное место жительства которых некоторые писатели локализуют на землях, соседствующих с Латвией, из-за длинной бороды с

⁷ Albertus Wiiuk Kojalowicz, *Historiae Lituanae pars prior: De rebus Lituano- rum ante susceptam Christianarum religionem conjunctionemque Magni Lituaniae Ducatus cum Regno Poloniae, libri novem*, auctore p. Alberto Wiiuk Kojalowicz, Soc. Jesu s.th.d., Dantisci: Sumptibus Georgii Försteri, Bibliopolae S.R.M., 1650, p. 7.

⁸ *Ibid.*, p. 7–8.

грубым волосом названные на латышском и литовском языке «Pġabarzdai», изгнанные когда-то русинами из Сарматии, вторглись сначала в Германию, а потом в другие области римлян»). Из рассуждений Кояловича логически вытекает вывод о том, что переселение Палемона, появление его в устье Немана не было ни случайным, ни чужеродным явлением. Это представлено как своеобразное **возрождение Литвы** (лонгобарды из прибалтийских земель вышли и в прибалтийские земли вернулись), только теперь это приобретало династическую подоплёку.

Не менее интересно замечание автора о половцах и печенегях. На с. 23 первой книги *Литовской истории* читаем: «*Erant Poloucii gens ejusdem cum Prussis, Litvanis ac Lotavis originis*»⁹ («Половцы были народом одного происхождения с пруссами, литовцами и латышами»). Родственными литовскому народу Коялович считает и печенегов. К чему все эти легендарные экскурсы? Напомним, что именно половцы и печенеги были самыми грозными врагами Руси в древнейший период ее истории – период возвышения Киева как центра собирания русских земель. По существу, А. Виюк-Коялович хочет показать, что борьба за первенство Руси и Литвы на наших территориях началась с противостояния Рюриковичей и Палемоновичей. И, видимо, поэтому появление Палемоновичей на наших землях писатель связывает не с первым веком нашей эры (времена Нерона), не с началом пятого века (времена Атиллы), а с девятым веком, который в русской истории ознаменован приходом Рюрика.

Ярче всего это противостояние проиллюстрировано в *Литовской истории* А. Виюка-Кояловича эпизодом гибели великого князя Святослава. Если в киевском летописном своде Нестора повествуется об убийстве Святослава неким Курей, князем печенежским, то в *Истории* Кояловича этот эпизод наполнен конкретными деталями и выводами. Во-первых, по А. Виюку-Кояловичу, великого князя Святослава убил не некий бесплеменный Куря, а «*Dux Picinigorum*

⁹ *Ibid.*, p. 23..

Litvanus Cures»¹⁰ («вождь печенегов, литовец Кур»). Во-вторых, он не просто сделал чашу из черепа убитого князя, как об этом повествует *Повесть временных лет*¹¹, а приказал выгравировать следующий назидательный афоризм: «*Aliena quaerendo, sua amisit*» («Ища чужого, утратил своё»). Далее А. Виюк-Коялович делает очень важное замечание: «*Sed nullae tunc adhuc forte Russis literae; quanto magis Piciniginis. Dixisse igitur tantum ea verba Cures credendus est*»¹² («Но тогда на этот счет никаких письменных свидетельств у русинов не было, а гораздо больше – у печенегов. Поэтому следует верить тому, что Кур сказал только эти слова»). Интересно отметить, что эта же история пересказывается сначала у Сигизмунда Герберштейна, позже – у Мацея Стрыйковского. Прочитываемая выше назидательная надпись в рассказе о гибели Святослава почти в тех же словах воспроизводится и С. Герберштейном: «*Quaerendo aliena, propria amisit*»¹³. Однако у австрийского дипломата нет упоминания о литовском происхождении Кура. У М. Стрыйковского замечание «*a ten Kures Xiąże był własny Litwin, w czym go imię jego wydawa*»¹⁴ является только комментарием к утверждениям Зонары и Ваповского, которые указывают на побратимство печенегов, половцев и литовцев. Между тем, если

¹⁰ *Ibid.*, p. 36.

¹¹ «Повесть временных лет», in: *Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы, XI–начало XII века*, составление и общая редакция Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева, Москва: «Художественная литература», 1978, с. 88.

¹² Albertus Wuiuk Kojalowicz, *Historiae Lituanae pars prior*, p. 36..

¹³ Sigismundus Herberstein, *Rerum Moscoviticarum commentarii Sigismundi liberi Baronis in Herberstein, Neyperg et Guettenhag: Russiae et quae nunc eius metropolis est, Moscoviae, brevissima descriptio, chrographia deniq[ue] totius imperii Moscici et vicinorum quorundam mentio...*, Basileae: Ex officina Joannis Oporini, 1556, p. [8].

¹⁴ Maciej Strzykowski, *Która przedtym nigdy światła nie widziała, Kronika Polska, Litewska, Zmudzka y wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgórskiej, Podlaskiej, etc. ...*, przez Macieia Osostewiciusa Strzykowskiego dostatecznie napisana, złożona, ... y nakładem nowo wydźwigniona przez wszystkie starożytnie wieki, aż do dzisiejszego roku 1582..., Drukowano w Krolewcu: U Jerzego Ostenbergera, 1582, s. 129.

М. Стрыйковский считает нужным опровергнуть утверждение о том, что «ci trzey Bracia Rurik, Sinaus y Truwor [...] pewną genealogią wiedli z Rzymskich Panów Cesarskiego pokolenia»¹⁵, то А. Виюк-Коялович даже не упоминает об этом.

«Императорское» соперничество Палемоновичей и Рюриковичей наиболее ярко с художественной точки зрения отражено в воинской повести о походе Ольгерда на Москву. А. Виюк-Коялович вслед за М. Стрыйковским нарушает хронологию и относит это событие к 1332 г. Согласно польскому историку, война разразилась после победы Дмитрия Ивановича над темником Мамаем: «Тум tedy sławnym zwycięstwem Wielki kniaź Moskiewski podniesiony, umyślił też pod Litwą Pogany Witebskiego, Kijowskiego y Połockiego księstw Ruskich woyną dochodzić [...], posłał mu szablę y ogień, obiecując go w Wilnie przywitać z tymi upominkami wielkim abo krasnym iaiem na przyszłego roku 1332 wielikdzień albo Wielkę noc zmartwychwstania Chrystusa Pana y wszystkie Litwę za rok zwojować, a okazać moc y potężną gotowość swoję»¹⁶. На полях значится глосса: «То się tylko w Latopiszach Litewskich po rusku pisanych nayduje». Эпизод этой войны действительно упоминается в белорусско-литовском летописании, правда, либо под 1375 годом, как в *Хронике Литовской и Жмойтской*, либо вовсе без датировки, как в *Хронике Быховца*¹⁷.

Однако Альберт Виюк-Коялович не во всём следует за Матвеем Стрыйковским. В воинскую повесть он вводит довольно объёмную думу-монолог Ольгерда о результатах этой войны. Окружив Москву, великий князь думает о том, не отказаться ли ему от битвы (приводя при этом свою собственную мотивацию)

¹⁵ *Ibid.*, s. 117.

¹⁶ *Ibid.*, s. 420.

¹⁷ Vide: Полное собрание русских летописей, т. 32: *Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного*, [составитель и редактор Н.Н. Улащик], Москва: Издательство «Наука», 1975, с. 60–62; 140.

и не заключить ли мир. Вывод, к которому приходит Ольгерд, такой: «*Nunc facilem victoriam videri; cum hostis in trepidatione esset; sed longe faciliorem pacem: Paulo post belli quidem gerendi rationem fore ancipitem, pacis autem ineundae nullam*»¹⁸ («Кажется, что теперь легко одержать победу, поскольку враг в замешательстве. Но мир [получить] намного легче. Пройдет время, и правильность принятой войны будет поставлена под сомнение, заключение же мира – никогда»). Интересен тот факт, что в воинской повести о походе не упоминается термин «Русь». В кульминационном моменте описываемой истории А. Виюк-Коялович называет обоих князей не *nomine* (по имени), а *natione* (по государственной принадлежности): «*Ita cum Moschus, subita, nimium metuit, Litvanus secutura mature praecavet*»¹⁹ («И вот, в то время как московец был чрезвычайно напуган неожиданными обстоятельствами, литовец вскоре предотвратил запланированный приход»). Здесь же приводится психологическая детализация поведения одного и другого «императоров». Если «литовец» Ольгерд спокоен и взвешенно принимает свои решения, то «московец» Дмитрий как бы лишается полководческого дара: «*Tum Demetrius, velut veterno excusso, animum et consilia in omnem partem raptare: jubere, et mox imperia mutare. [...] Omnia itaque in desperationem, desperatio in preces cecidit: missi supplices legati qui offerrent amicitiam, pacemque postularent*»²⁰ («Тогда Димитрий, как будто очнувшись от сна, душой и умом начал метаться то к одному, то к другому [решению]: отдавал приказы и тут же их изменял. [...] Таким образом, всё переросло в отчаяние, а отчаяние – в мольбы. Были отправлены с нижайшими просьбами послы, которые предлагали дружбу и просили мира»).

В белорусско-литовском летописании заключение мира Литвы с Москвой венчалось так называемым «прислонением» или

¹⁸ Albertus Wiiuk Kojalowicz, *Historiae Litvanae pars prior*, p. 295.

¹⁹ *Ibid.*, p. 296.

²⁰ *Ibid.*, p.295.

«приклонением» копья. И в передаче этого эпизода А. Виюк-Коялович не совсем следует за М. Стрыйковским либо С. Герберштейном. В изложении символического послания-ответа с губкой есть (скажем, в Еврееиновской редакции) упоминание о том, как Ольгерд, зажегши губку, отдал ее послу и сказал: «Дай то подарю своему и скажи ему, что у нас в Литве огонь ест [...]. А яз у него буду на Велик день и поцелуя его красным яйцом, щитом и с сулицею, а божиею помощию к городу Москве копию свое прислоню, ибо не то воин, что времени подобнаго воует, но то воин, когда не во время воины над неприятелем своим неприездни доводит»²¹. Подобное заявление есть и у М. Стрыйковского в ответе Ольгерда московским послам: «Też chcę kopiją Litewską pod Zamek Moskiewski przystawić / aby wiedział Książ Moskiewski / iż nie to woiennik co do roku odkłada / y co pogody patrzą / ale ten który zaraz y w niepogodzie myśli / iakoby mógł stratę nagrodzić / omieszkania powetować / y zabierzeć swoiey szkodzie»²². Момент ритуального действия с копьем важен и интересен для хрониста во всех деталях: «А потым сам Olgerd kopiją o scianę zamkową skruszył / a drugie Latopiszczce swiadczą / iż tylko przystawił / aby Moskwa pamiętała / iż Litwa z Olgerdem kopije swoje pod Zamek Moskiewski przystawowała»²³. Однако у Кояловича имеется существенное дополнение: «*Perfectorum mox, ut allisa ad palatium Demetrii hasta, illud alte inscriptum relinqueret: non illum Imperatorem esse, qui belligerendi momenta in annos differendo, occasionibus quaerendis indormit: sed eum, qui ipsam occasionum egestatem in belligerendi commoditates vertit*» («Затем должно случиться так, что, когда копье будет брошено во дворец Дмитрия, там пусть

²¹ Полное собрание русских летописей, т. 35: Летописи белорусско-литовские, составитель и редактор Н.Н. Улащик, Москва: Издательство «Наука», 1980, с. 223.

²² Maciej Strykowski, *Ktora przedtym nigdy światła nie widziała, Kronika Polska, Litewska, Zmodzka y wszysztkiey Rusi*, s. 420–421.

²³ *Ibid.*, s. 421.

останется высоко такая надпись: Не тот полководец, кто, откладывая время войны на годы, спокойно поджидает удобного повода, а тот, кто даже само отсутствие [всяких] поводов превращает в удобство ведения войны»²⁴.

Заметим, при описании как гибели Святослава, так и поражения Дмитрия А. Виюк-Коялович в качестве своеобразной конклюдии действия заостряет внимание на памяти письменной, памяти зафиксированного на письме свидетельства одержанной победы. Это закрепление в памяти не менее важно и в том смысле, что Московские князья, по версии М. Стрыйковского, были наследниками и Белорусской монархии, власть которой, видимо, перешла к Московскому князю Дмитрию, поскольку после того Батый «*Ruskie wszystkie Państwa prawie do gruntu zwojował, także Polskę aż do Legnicy y Węgry splundrował, kniaziow wielkich Moskiewskich Dziedzicow Bielo Ruskiey Monarchiey Jurego i Wasila poraził i zabił*»²⁵.

Особый интерес представляют исторические сведения о великом князе Витовте и интерпретации его деятельности А. Виюком-Кояловичем. Он опускает информацию о «русинскости» великого князя. Между тем, *Хроника Быховца* сообщает: «*Perwy Witolt, a koli rusinom ostał, dali byli imia iemu Jurj, i koli sia ochrestyl w ladckuiu wiru, tohdy imia iemu dano Alexander*»²⁶. Приобретение территорий Белой Руси Витовтом во времена великого князя Свидригайлы имело, видимо, стратегическое значение. А. Виюк-Коялович заостряет внимание на царственном происхождении тех князей Руси, которых Витовт подчинил своей власти: «*Orsza per brevem vim expugnata, Drucum movit. Drucenses enim Principes, primorum Russiae Regum progenies*

²⁴ Albertus Wiliuk Kojalowicz, *Historiae Lituanae pars prior*, p. 293.

²⁵ Maciej Strykowski, *Która przedtym nigdy światła nie widziała*, Kronika Polska, Litewska, Zmudzka y wszystkiej Rusi, s. 419.

²⁶ *Полное собрание русских летописей*, т. 32, с. 141.

[...]»²⁷(«Завоевав с небольшими силами Оршу, он двинулся на Друцк. Ведь Друцкие князья – род первых царей Руси»).

Итак, исторический путь, пройденный Великим княжеством Литовским, в представлении Альберта Виюка-Кояловича концептуально разнится от его видения как в белорусско-литовском летописании, так и в польском его осмыслении. Новая патриотическая концепция историка позволила значительно расширить рамки национальной памяти, углубив ее свидетельствами из дотоле неизвестного книжного материала, а также забытыми сведениями легендарного характера.

Поступило: 09-09-2009

Принято: 24-09-2009

²⁷ Albertus Wiiiuk Kojalowicz, *Historiae Lituanae pars prior*, p. 52–53.

Uladzimir Karotkiy

RUSSIA, LITHUANIA, MUSCOVY BETWEEN THE RURIKIDS
AND THE PALEMONIDS IN THE *HISTORIA LITUANA*
BY ALBERT WIJUK KOJALOWICZ

Summary

The article discusses some ideological specifics of Albert Kojalowicz's *Historia Lituana*. The Grand Duchy of Lithuania in the middle of the 17th century can be regarded as an arena in which dynastic claims of the neighbours turned into war conflicts, dangerous for the political sovereignty of the state. There was a need of a new patriotic conceptual basis for the statehood of the Grand Duchy in order to support its legal and ethical authority. Such concept was put forward in the two-volume *Historia Lituana* by Albert Kojalowicz. Similar histories written by neighbours – the chronicles by Maciej of Miechow, Bernard Wapowski, Marcin Kromer – had already come out. Although Kojalowicz declared himself to be a follower of Strykowski, he was least of all interested in the Ruthenian and Russian element, which held together Strykowski's work.

Kojalowicz considered significant the events, personages and history patterns that demonstrated the superiority of military power of the Lithuanians, their spiritual strength, political and civic wisdom. In our view, the stories about the death of Prince Svyatoslav, Algirdas's Moscow campaign, the conflicts between Michael Gliniski and Konstanty Ostrogski (which represented the superiority of the Palemonids over the Rurikids) appear to be among those important for him. *Historia Lituana* has a noteworthy stylistic feature: stories like the ones above usually end with interpretations, which are important for understanding ideological and artistic attitudes of Kojalowicz.

Uladzimir Karotki

RUSIA, LIETUVA, MASKVA TARP RIURIKAIČIŲ
IR PALEMONAIČIŲ ALBERTO VIJŪKO-KOJALAVIČIAUS
LIETUVOS ISTORIJOJE

Straipsnyje aptariamos kai kurios Alberto Kojalavičiaus veikalo ideologinės ypatybės. Autoriaus pastebėjimu, XVII a. viduryje Lietuvos Didžioji Kunigaikštija tapo tokia arena, kurioje valstybinės-dinastinės kaimynų pretenzijos virto karo veiksmais, ėmusiais grėsti jos politiniam suverenitetui. Jos teisiniam ir etiniam autoritetui pagrįsti tuo metu ir prirėkę naujos patriotiškos LDK valstybingumą grindžiančios koncepcijos, kuria būtų apmąstytas ir įvertintas tiek pats valstybingumas, tiek jo ištakos. Tokiu veikalu ir tapo Alberto Kojalavičiaus parašyta dvitomė *Lietuvos istorija*. Panašios kaimynų parašytos istorijos jau buvo pasirodžiusios anksčiau. Tai Motiejaus Miechoviečio, Bernardo Vapovskio, Martyno Kromerio kronikos. Nors Kojalavičius ir deklaravo sekąs Strijkovskiu, tačiau jį užvis mažiau domino pastarojo veikalą organizuojantis, telkiantis rusėniškasis ir rusiškasis elementas. Kojalavičiui svarbesni tie įvykiai, tie veikėjai, tie istorijos siužetai, kurie rodo lietuvių karinės galios pranašumą, jų dvasios stiprybės raišką ir netgi politinę bei pilietinę išmintį. Pasak straipsnio autoriaus, tokiais reikia laikyti siužetus apie kunigaikščio Sviatoslavo mirtį, apie Algirdo žygį į Maskvą, apie Mykolo Glinskio ir Konstantino Ostrogiškio kovas, kuriomis pasireiškęs Palemonaičių pranašumas prieš Riurikaičius. Autorius atkreipia dėmesį ir į tą kūrinio stilistikos ypatybę, jog tokie pasakojimai paprastai pasibaigia vertinamojo pobūdžio išvadomis, svarbiomis suprasti šio veikalo ir tėvo Alberto ideologines-menines nuostatas.